

КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ВСЁ

Иногда
отпустить —
это тоже
забота.

Иногда
конец —
это начало
настоящей
жизни.

ПРАВДА
ВСЕГДА
ДАЁТ
БОЛЬШЕ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ,
ЧЕМ ЛОЖЬ.

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 1

ЦЕНА ЛЮБВИ

ТОМ 3

Жизнь после лжи

Иногда
уход —
это шанс
на новую
жизнь

СИЛЬНЫЕ
ЛЮДИ
ТОЖЕ
УСТАЮТ,
НО ОНИ
НЕ СДАЮТСЯ

Я
выбираю
нас

ЗАКОН

ЗАЩИТА

БУДУЩЕЕ

Я СМОГУ

КРЕДИТ

ОТКАЗАНО

ДОЛГИ

РАЗВОД

Мы
будем
счастливы

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

СИЛА
МАТЕРИНСТВА

ПУТЬ
К СВОБОДЕ

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ УДЕРЖИВАЕТ. ОНА ПОМОГАЕТ БЫТЬ СОБОЙ.

Надежда Порошина

**ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 1. Цена
любви. ТОМ 3. Жизнь после лжи**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 1. Цена любви. ТОМ 3. Жизнь после лжи / Н. А. Порошина — «Автор», 2026

Лина закрыла дверь перед мужем, но последствия его лжи уже вошли в её жизнь. Долги, попытка оформить кредит на её имя, угрозы матери и борьба за сына превращают развод в опасное противостояние. Андрей обещает лечиться, однако каждую правду по-прежнему пытается превратить в удобную версию. Пока полиция разбирается в исчезнувших деньгах, а органы опеки проверяют обвинения против Лины, трёхлетний Павел учится самому важному: плакать можно, ошибка не лишает любви, а дверь открывается только изнутри. Сможет ли Андрей принять ответственность без новой лжи? И сможет ли Лина любить человека, не возвращаясь к нему? «Жизнь после лжи» — напряжённая семейная драма о зависимости, материнской смелости и цене любви, которой не должна становиться собственная жизнь.

© Порошина Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТОМ 3. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЖИ. Глава 21. Чужие долги	5
Глава 22. Плакать можно	17
Глава 23. То, что он называл любовью	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 1. Цена любви. ТОМ 3. Жизнь после лжи

ТОМ 3. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЖИ. Глава 21. Чужие долги

Утро началось без Андрея.

Никто не включил воду в ванной, не оставил мокрое полотенце на кровати, не попросил найти чистую рубашку. Никто не спросил, где лежат ключи, хотя они находились на обычном месте.

В квартире было тихо.

Лина открыла глаза и несколько секунд не могла понять, что изменилось. Потом увидела Павла, спящего рядом, и вспомнила всё сразу: миллион, деньги Валентины Петровны, служебный счёт, тёмную машину, коробки под дождём.

Она осторожно высвободила руку из-под головы сына.

Павел тут же проснулся.

— Ты куда?

— На кухню.

— А потом?

— Приготовлю завтрак.

— А потом?

— Мы поедим.

— А потом?

Лина обернулась.

Мальчик сидел на кровати, прижимая к груди синюю машинку. В его глазах не было обычного утреннего любопытства.

Он не спрашивал о планах.

Он проверял, не исчезнет ли мать.

— Потом мы весь день будем вместе, — сказала Лина.

— Ты не уйдёшь порядок делать?

— Сегодня нет.

Павел выдохнул и снова лёг.

На кухне Лина посмотрела на его рисунок, прикрепленный к холодильнику: мама, мальчик и отец возле квадратного дома. Рядом с Андреем стоял большой чёрный прямоугольник.

Раньше Лина видела в нём экран.

Сегодня заметила другое.

У дома не было двери.

Она взяла телефон.

За ночь пришло двадцать семь сообщений.

Пять — от Валентины Петровны. Она требовала сообщить, где находится Андрей, обвиняла Лину в жестокости и напоминала, что «в браке люди обязаны спасать друг друга».

Три — от Сергея:

«Время вышло».

«Сумма выросла».

«Не советую прятаться».

Остальные отправил Андрей.

Сначала:

«Я в полиции».

«Это недоразумение».

«Вадим меня подставил».

Потом тон изменился:

«Ты должна подтвердить, что деньги пошли на нужды семьи».

«Скажи, что я покупал технику для дома».

«Если мы будем говорить одно и то же, всё решится».

Дальше:

«Подумай о Павле. Ему не нужен отец с судимостью».

«Это из-за тебя я не смог остановиться».

«Ты выгнала меня в самый трудный момент».

Последнее сообщение пришло в четыре семнадцать:

«Я согласен лечиться, если ты заберёшь заявление и скажешь на работе, что ошиблась».

Лина перечитала его дважды.

Если.

Даже лечение Андрей превратил в сделку.

Она сделала снимки экрана и сохранила их в отдельную папку. Раньше Лина удаляла неприятные сообщения, словно вместе с ними можно было стереть случившееся.

Теперь сохраняла всё.

Даты.

Обещания.

Угрозы.

Противоречия.

На листе бумаги написала:

«Не отвечать сразу».

Ниже:

«Не оправдываться».

И ещё:

«Не соглашаться из страха».

Лина прикрепила лист к холодильнику рядом с рисунком Павла.

В семь утра позвонила Мария.

— Вы как?

— Павел проснулся. Сейчас будем завтракать.

— Андрей нашёлся?

— Да. Полиция обнаружила его в игровом клубе.

— Господи...

— Он пытался поставить оставшиеся служебные деньги.

Мария долго молчала.

— Я приеду.

— Не нужно. Мы справимся.

— Я не потому, что вы не справитесь. Просто хочу быть рядом.

Лина посмотрела на сына, появившегося в дверях кухни.

Он волочил за собой одеяло.

— Приезжай, — сказала она.

На завтрак Павел попросил овсяную кашу, но, когда Лина поставила перед ним тарелку, отодвинул её.

— Я хотел с бананом.

— Бананы закончились. Есть яблоко.

Он нахмурился.

— Не хочу яблоко.

— Тогда можешь съесть кашу без фруктов.

Павел посмотрел на мать, потом на тарелку. Поднял ложку и вдруг бросил её на пол.

Металл ударился о плитку.

Мальчик замер.

Лина тоже.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Павел побледнел.

— Я нечаянно.

Лина видела, что он сделал это намеренно. Видела злость в его движении.

Но сильнее злости был страх, пришедший сразу после неё.

— Ты рассердился из-за банана?

— Нет.

— Сердиться можно.

Павел соскользнул со стула и попятился к стене.

— Я больше не буду.

— Подними ложку, пожалуйста.

— Я хороший.

— Я знаю.

— Не выгоняй меня!

Он забрался под стол и закрыл голову руками.

У Лины внутри всё оборвалось.

— Паша, я тебя не выгоню.

— Я нечаянно! Я всё съем!

Он схватил ложку, вернулся на стул и начал быстро глотать кашу. Не жевал, давился, размазывал её по подбородку.

Лина забрала тарелку.

Павел заплакал.

— Я буду есть! Мамочка, верни!

Она опустила перед ним на колени.

— Тебе не нужно есть, чтобы я тебя не выгнала.

— Но я ложку бросил.

— Поэтому поднимешь её и положишь в раковину.

— И всё?

— И всё.

— А папу ты выгнала.

Лина вытерла ему лицо салфеткой.

— Папа взрослый. Он сделал много такого, из-за чего нам стало страшно.

— А если я ещё брошу?

— Поднимешь ещё раз.

Павел перестал плакать.

— А меня за дверь не поставишь?

— Нет. Никогда.

— Обещаешь?

Лина замерла.

Ещё недавно она легко произнесла бы это слово. Но теперь не хотела учить сына верить обещаниям только потому, что они звучат красиво.

— Я твоя мама, — сказала она. — Даже когда ты сердишься. Даже когда ошибаешься.

— А дверь закроешь?

— Входную — да. Чтобы дома было безопасно. Но тебя за ней не оставлю.

Он посмотрел на неё недоверчиво.

Одного разговора было недостаточно.

Павел будет проверять её снова. Капризничать, спорить, бросать вещи. Возможно, говорить неправду — только чтобы убедиться, что любовь не исчезает после ошибки.

В девять часов Лина позвонила детскому психологу.

Специалиста посоветовала знакомая Марии. Лина коротко рассказала о последних событиях: зависимость отца, крики, требования купить вино, следы на запястье, страх ребёнка и внезапный уход Андрея из дома.

— Сколько лет мальчику? — спросила психолог.

— Три.

— Он видел, как отец вас удерживал?

Лина посмотрела на запястье. Следы почти исчезли.

— Да. Павел просил его отпустить меня. Потом мы заперлись в детской.

— Как сын ведёт себя сейчас?

— Боится, что я тоже его выгоню. Постоянно спрашивает, куда я иду и вернусь ли. Говорит, что должен быть хорошим.

— Сейчас ему особенно нужны привычный режим и понятные правила. Не рассказывайте о долгах и полиции. Но и не обещайте того, чего не можете знать.

— Например?

— Не говорите, что папа скоро вернётся или обязательно выздоровеет. Лучше честно сказать: «Я пока не знаю, когда вы увидите».

— А если Андрей потребует встречи?

— Сначала приходите одна. Мы обсудим состояние Павла и подумаем, как сделать контакт безопасным.

Они договорились на четыре часа.

Следующим Лина набрала юриста.

Она открыла свой старый ноутбук и разложила перед собой документы.

— Начнём с долга частному лицу, — сказал юрист. — Вы расписку не подписывали, денег не получали и согласия на заём не давали. Поэтому долг не признаёте.

— Но мы пока в браке.

— Сам по себе брак не делает любой долг одного супруга общим. Если кредитор требует деньги с вас, ему придётся доказывать, что они были потрачены на семью.

— Андрей просит сказать, что деньги пошли на дом.

— Не подтверждайте того, чего не было. Даже ради него.

Лина записала.

— А служебные деньги?

— Это отдельная проверка. Рассказывайте только о том, что знаете лично. Не пытайтесь объяснять поступки мужа и не говорите от его имени.

— Его могут посадить?

— Пока рано делать выводы. Сначала установят движение денег, роль каждого участника и наличие умысла.

— Андрей согласен лечиться, если я заберу заявление.

— Значит, пока он не выбрал лечение. Он пытается заключить с вами сделку.

Лина посмотрела на лист перед собой.

— Я хочу подать на развод.

Произнесла это, она замерла.

Юрист выдержал паузу.

— Вы уверены?

— Да.

Лина ждала, что внутри что-нибудь оборвётся. Что появятся страх, вина, желание немедленно забрать слова обратно.

Но ничего не произошло.

Только стало легче дышать.

— Тогда подготовим заявление, — сказал юрист. — Поскольку у вас несовершеннолетний ребёнок, брак расторгается через суд. Отдельно нужно будет решать вопросы проживания Павла и общения с отцом.

— Я не хочу запрещать им видеться навсегда.

— Сейчас речь не о запрете навсегда. Речь о безопасном порядке общения, пока состояние отца нестабильно, а ребёнок его боится.

— Валентина Петровна будет против.

— Решение принимается не по желанию бабушки.

Лина записала и это.

— Ещё смените пароли, проверьте кредитную историю и отделите все финансовые доступы, — продолжил юрист. — Если возможно, установите запрет на дистанционное оформление займов. Обо всех подозрительных запросах сообщайте в банк и полицию.

До полудня Лина меняла пароли.

Электронная почта.

Банк.

Облачное хранилище.

Личный кабинет мобильного оператора.

Социальные сети.

В семейном аккаунте Андрей всё ещё был указан как доверенное лицо. Одним нажатием Лина отозвала его доступ.

Затем запросила кредитную историю.

Пока формировался отчёт, она нашла среди документов копию своего паспорта. На полях рукой Андрея было написано:

«Подтверждение дохода Л.»

Ниже стояли цифры.

Лина не знала, к чему относилась эта запись.

Она сфотографировала лист.

Отчёт пришёл через несколько минут. Незнакомых кредитов на её имя не было. Но за последний месяц три финансовые организации запрашивали сведения о ней.

Три заявки.

Ни одну не одобрили.

Лина связалась с каждой организацией. В первой подтвердили, что заявка не прошла автоматическую проверку. Во второй отказались обсуждать детали по телефону. В третьей после проверки личности сообщили: кто-то пытался оформить заём через интернет, но не завершил идентификацию.

— В заявке был указан контактный номер? — спросила Лина.

— Да. Могу назвать последние четыре цифры: сорок восемь шестнадцать.

Она посмотрела на упаковку от второй сим-карты.

Номер заканчивался теми же цифрами.

Значит, Андрей пытался взять кредит на её имя.

Лину затошнило.

Но она заставила себя записать дату, время разговора и имя сотрудника. Затем сообщила юристу и капитану Крылову.

В два часа дня Валентина Петровна приехала без предупреждения.
Она позвонила в домофон.

— Открой.

— Нет.

— Мне нужно увидеть Павла.

— Сегодня встречи не будет.

— Тогда выйди сама.

— Мы можем поговорить по телефону.

— Я стою у твоего подъезда, как чужая!

— Потому что приехали без приглашения.

— Ты не можешь отрезать нас от ребёнка!

Павел услышал голос бабушки и прибежал в прихожую.

— Это баба Валя?

Лина отключила звук домофона.

— Да.

— Она принесла конфеты?

— Не знаю.

— Пusti её.

Домофон зазвонил снова.

— Почему нельзя? — спросил Павел.

Лина присела рядом.

— Потому что бабушка сейчас сердится.

— Она плохая?

— Нет. Но сейчас я не хочу её впускать.

— А папа с ней?

— Нет.

— Тогда открой.

— Нет, Паша.

Он нахмурился.

— Ты жадная!

И ударил её ладонью по плечу.

Удар был слабым, почти детским хлопком. Но Павел тут же испуганно отдернул руку.

Лина мягко перехватила её.

— Бить нельзя.

— Я нечаянно.

— Ты рассердился и ударил.

Губы мальчика задрожали.

— Теперь выгонишь?

— Нет. Но бить меня я не разрешу.

— А папа тебя бил?

Лина посмотрела на сына.

— Он держал меня за руку. Мне было больно.

Павел опустил глаза.

— Папа сказал, что не держал.

— Ты сам видел.

— Он сказал, тебе показалось.

В прихожей словно стало холоднее.

Андрей успел поговорить с ребёнком об этом.

Не просто отрицал случившееся перед женой.

Учил сына не верить собственным глазам.

— А ты что видел? — спросила Лина.

Павел долго молчал.

— Ты сказала: «Отпусти». А папа сказал: «Купи вина».

— Значит, ты всё помнишь правильно.

— Но папа взрослый.

— Взрослые тоже иногда говорят неправду.

— И мамы?

— И мамы.

— Ты говоришь?

Лина могла ответить «нет».

Простое слово успокоило бы его.

Но именно такими простыми словами Андрей создавал свою ложь.

— Иногда я могу ошибиться, — сказала она. — А если скажу неправду, должна признаться.

— А папа признается?

— Не знаю.

Домофон продолжал звонить.

Наконец Валентина Петровна ушла.

Через минуту пришло сообщение:

«Если ты добровольно не покажешь ребёнка, мы обратимся в опеку. Андрей имеет такие же права, как ты».

Лина переслала его юристу.

Отвечать не стала.

В кабинете психолога было светло и тихо. На полках стояли фигурки животных, деревянный дом, машинки и коробки с карандашами.

Психолога звали Елена Сергеевна. Она предложила Лине чай, но блокнот открывать не стала.

— Расскажите сначала о себе, — попросила она.

Лина растерялась.

Последние дни все спрашивали об Андрее: где он, сколько проиграл, что сказал, кому должен.

Даже рассказывая о собственной жизни, она начинала с него.

— Я не знаю, с чего начать.

— С первого момента, когда вам стало страшно.

Лина вспомнила не ночь с вином.

Не звонок Сергея.

Даже не признание о миллионе.

Первым в памяти возник парк.

Андрей смотрел в телефон, а Павел вышел на дорожку перед велосипедистом. Тогда Лина испугалась за сына, но почти сразу убедила себя, что подобное могло случиться с каждым.

Потом были разбитая чашка, кредиты, ложь и крепкая рука на запястье.

— Я всё время находила ему объяснения, — сказала Лина. — Он устал. Перенервничал. Боится потерять работу. Хочет обеспечить семью. Когда одно объяснение переставало работать, я придумывала другое.

— Зачем?

— Чтобы не принимать решение.

— Какое?

— Уйти.

— А теперь?

Лина посмотрела на свои руки.

— Теперь решение принято. Но мне всё ещё кажется, что я должна доказать, что имею на него право.

— Кому?

Она хотела ответить: Андрею, его матери, Сергею, полиции, будущему суду.

Но честный ответ был другим.

— Себе.

Только тогда Елена Сергеевна открыла блокнот.

— Что вы сказали Павлу?

— Что отец пока не будет жить с нами.

— Этого достаточно. Подробности ему не нужны. Сейчас сыну важнее видеть, что вы остаётесь рядом и правила дома не меняются от его поведения.

— Сегодня он ударил меня.

— Как вы отреагировали?

Лина рассказала.

— Вы остановили его, но не отвергли. Продолжайте так же.

— Он всё равно боится, что я его выгоню.

— Этот страх не исчезнет за один день.

Лина почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— Почему я раньше ничего не замечала?

— Вы замечали. Но каждый раз находили причину потерпеть ещё немного.

Лина заплакала.

Не громко.

Слёзы просто потекли по щекам.

После консультации они договорились, что в следующий раз Лина придёт с Павлом.

На улице уже темнело.

Она вышла из здания и увидела Андрея.

Он стоял на другой стороне дороги.

Без куртки, в мятой рубашке, с серым лицом. Рядом находилась Валентина Петровна.

Лина остановилась.

Мать что-то сказала сыну и подтолкнула его вперёд.

Андрей перешёл дорогу.

— Я близко не подойду, — произнёс он. — Только поговорим.

— Откуда ты узнал, где я?

Он посмотрел на здание.

— Мама увидела адрес в твоём телефоне.

— В моём телефоне?

Лина повернулась к Валентине Петровне. Та осталась на другой стороне дороги, сжимая сумку.

— Когда она получила к нему доступ?

— Ты оставляла телефон на кухне.

Лина вспомнила вчерашний вечер у Марии.

Телефон лежал возле чайника, пока она укладывала Павла. Валентина Петровна приезжала со школьным заключением.

На экране могло появиться уведомление о записи к психологу.

— Вы следили за мной?

— Я хотел убедиться, что с Павлом всё нормально.

— Павла здесь нет.

Андрей перевёл взгляд на вывеску.

— Ты водишь моего сына к психиатрам?

— Я пришла одна.

— Зачем?

— Это не твоё дело.

— Всё, что касается нашей семьи, — моё дело.

— Даже семья, которой ты прикрывал долги?

Его лицо дёрнулось.

— Я не крал деньги.

— Пусть это установит проверка.

— Документы подготовил Вадим. Он сказал, что перевод временный. Деньги должны были вернуться после матча.

— Ты собирался поставить их.

— Я хотел закрыть все долги сразу.

— Чужими деньгами.

— Другого выхода не было!

— Был. Не ставить.

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Я согласился лечиться.

— Без условий?

Он отвёл глаза.

— Мама нашла государственный центр. Завтра поедem на консультацию.

— Хорошо.

— И всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Что дашь мне шанс.

— Нет.

Он посмотрел на неё с обидой.

— Значит, лечиться бессмысленно?

— Если ты лечишься только ради того, чтобы я вернулась, — да.

— Ты не можешь знать заранее.

— Могу.

— У нас сын.

— Поэтому я и не вернусь.

Андрей шагнул к ней.

Лина отступила.

— Не подходи.

Он остановился.

— Я тебя не трону.

— Ты уже говорил, что не держал меня. И убедил Павла, что ему показалось.

Андрей побледнел.

— Он ребёнок. Зачем ты вытягиваешь из него такое?

— Я ничего не вытягивала. Он повторил твои слова.

— Я хотел его успокоить.

— Ты хотел, чтобы он не верил себе.

— Неправда.

— Тогда почему сказал, что он ничего не видел?

Андрей посмотрел на мать.

Валентина Петровна перешла дорогу.

— Хватит устраивать допрос на улице, — сказала она. — Он всю ночь провёл в полиции. Ему плохо.

— Зачем вы прочитали сообщение в моём телефоне?

— Я увидела случайно.

— А потом передали адрес Андрею.

— Он отец и имеет право знать, куда ты водишь ребёнка.

— Павла здесь не было.

— Мы этого не знали.

Лина достала телефон.

— Если вы не уйдёте, я вызову полицию и сообщу о преследовании.

— Не смей угрожать моей матери! — Андрей шагнул вперёд.

Палец Лины лёг на кнопку вызова.

Он остановился.

Несколько секунд все трое молчали.

— Мы уходим, — тихо сказала Валентина Петровна.

Она взяла сына за локоть.

Андрей не сопротивлялся. Только посмотрел на Лину долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты пожалеешь, когда Павел спросит, почему у него нет отца.

— У него есть отец. Но рядом с ним должно быть безопасно.

— Ты хочешь отнять у меня сына.

— Я больше не позволю тебе использовать его, чтобы управлять мной.

Андрей развернулся и направился к машине матери.

Перед тем как сесть, крикнул:

— Я всё равно его увижу!

Лина не ответила.

Она дождалась, пока машина уедет, и сообщила Елене Сергеевне, что Андрей узнал адрес центра и приехал без предупреждения. Психолог предложила перенести встречу с Павлом и попросила фиксировать новые попытки давления.

По дороге домой Лина забрала сына у Марии.

В квартире Павел сразу заметил лист на холодильнике.

— Что написано?

— Правила для мамы.

— У мам тоже есть правила?

— Конечно.

— Прочитай.

Лина указала на первую строку:

— «Не отвечать сразу».

— Почему?

— Чтобы подумать.

— Дальше.

— «Не оправдываться».

— Это как?

— Не объяснять много раз, почему я сказала «нет».

— А последнее?

— «Не соглашаться из страха».

Павел задумался.

— Мне тоже можно правило?

— Можно.

Он принёс зелёный фломастер.

— Напиши.

— Что?

Мальчик нахмурил лоб.

— Если я ошибся, мама остаётся.

Лина записала его слова.

Павел попросил прикрепить лист рядом со своим рисунком.

Телефон завибрировал.

На экране появилось банковское уведомление:

«Запрошено восстановление доступа к личному кабинету».

Лина немедленно позвонила в службу безопасности.

— Доступ не предоставлен, — сообщил сотрудник после проверки. — Запрос заблокирован. Рекомендуем сменить кодовое слово и запретить дистанционное восстановление.

— В запросе был указан номер телефона?

— Да. Могу назвать последние четыре цифры: сорок восемь шестнадцать.

Вторая сим-карта Андрея.

Лина посмотрела на время.

Запрос отправили десять минут назад — уже после того, как Андрей уехал с матерью.

Значит, второй телефон снова был у него.

Или им пользовался кто-то другой.

Через минуту пришло сообщение с неизвестного номера:

«Если ты заблокировала деньги, Сергей пойдёт к твоей матери. Андрей назвал ему адрес».

Лина переслала его капитану Крылову.

Потом позвонила Марии.

— Мам, проверь дверь.

— Что случилось?

— Закрой замки и никому не открывай. Я вызываю полицию к твоему дому.

— Лина, кто-то идёт по лестнице.

В трубке прозвенел дверной звонок.

Потом раздался мужской голос:

— Мария Николаевна, откройте. Нам нужно поговорить о долге вашего зятя.

Лина уже набирала номер экстренной службы.

Чужие долги снова пришли к её семье.

Но теперь они встретили закрытую дверь.

Глава 22. Плакать можно

— Мам, не открывай, — сказала Лина. — Полиция уже едет.

— Он стучит.

Мария старалась говорить тихо, но голос дрожал.

— Отойди от двери. Зайди в комнату и закройся.

— А если он начнёт ломать замок?

— Не начнёт. Слышишь? Помощь уже едет.

Лина сама не знала, откуда взялась эта уверенность.

Возможно, говорила не только матери, но и себе.

На заднем плане снова прозвенел звонок.

— Мария Николаевна, — произнёс мужчина за дверью. — Я знаю, что вы дома. Мне не нужен скандал. Я хочу поговорить.

Это был Сергей.

Лина узнала его спокойный голос.

— Не отвечай ему.

— Он знает моё имя.

— Андрей всё ему рассказал.

В коридор вышел Павел.

— Бабушке страшно?

Лина приложила палец к губам и включила громкую связь.

Сергей снова постучал.

— Я подожду пять минут. Если не откроете, потом не говорите, что не знали о последствиях.

Павел прижался к ноге матери.

— Это папа?

— Нет.

— А кто?

Лина не хотела посвящать трёхлетнего ребёнка в долги. Но он уже слышал достаточно, чтобы почувствовать опасность.

— Дядя, который ищет папу.

— Он заберёт наш дом?

Лина ощутила вспышку злости.

Павел не должен был знать таких слов. Не должен был стоять в прихожей и слушать, как незнакомый мужчина запугивает его бабушку из-за отцовских долгов.

Она отключила громкую связь.

— Никто не заберёт наш дом.

— А бабушку?

— Бабушку тоже.

— Я не хочу один.

Лина взяла его за руку и отвела на кухню. Посадила за стол, положила перед ним лист бумаги и карандаши.

— Нарисуешь крепкую дверь?

— А ты уйдёшь?

— Нет. Я буду рядом.

Она снова поднесла телефон к уху.

— Мам, ты слышишь сирену?

Мария прислушалась.

— Кажется, да.

Через несколько секунд Сергей перестал стучать. Послышались шаги, затем мужские голоса:

— Полиция. Предъявите документы.

Только теперь Лина позволила себе выдохнуть.

— Мам, не открывай, пока сотрудники не представятся.

— Хорошо.

Павел водил чёрным карандашом по бумаге. Дверь получалась огромной — почти во весь лист.

Ручки на ней не было.

— А как её открыть? — спросила Лина.

— Никак.

— Почему?

— Чтобы дядя не вошёл.

Через несколько минут Мария сообщила, что Сергея отвели вниз. Полицейские попросили её написать объяснение и показать сообщения, которые приходили Лине.

— Я сейчас приеду, — сказала Лина.

— Не надо. Оставайся с Павлом.

— Ты уверена?

— Да. Здесь полиция. Я справлюсь.

Страх в голосе матери ещё слышался.

Но теперь в нём появилась твёрдость.

— Только пришли мне сообщения, — попросила Мария.

Лина открыла переписку с неизвестного номера.

«Ваш муж обещал вернуть деньги сегодня».

«После шести сумма изменится».

«Если ты заблокировала деньги, Сергей пойдёт к твоей матери».

Она сделала снимки экрана и уже собиралась убрать телефон, когда заметила последние четыре цифры номера отправителя.

Лина медленно повернулась к столу, на котором лежала упаковка от найденной сим-карты.

Взяла её.

Сверила номер.

Совпадала каждая цифра.

Угрозы приходили со второй сим-карты Андрея.

Лина села.

В квартире стало так тихо, что она услышала, как карандаш царапает бумагу.

— Мам, дверь крепкая, — сказал Павел. — Теперь никто не войдёт.

Она не ответила.

Сначала подумала, что телефоном Андрея пользуется Сергей.

Потом — Вадим.

Третью возможность не хотелось допускать.

Андрей мог сам отправлять угрозы от имени кредитора.

Рассчитывать, что испуганная жена найдёт деньги. Снимет их со счёта Павла. Займёт у матери. Возьмёт кредит.

Сделает всё, чего он не смог добиться просьбами.

Лина позвонила капитану Крылову.

— Номер, с которого мне писали, принадлежит мужу.

- Вы уверены?
- У меня упаковка от его второй сим-карты. Номера совпадают полностью.
- Сфотографируйте упаковку с обеих сторон и сохраните.
- Сергей сейчас возле дома моей матери.
- Сотрудники его опрашивают. Он утверждает, что сообщений вам не отправлял.
- Он врёт?
- Пока этого утверждать нельзя. Телефона с указанной сим-картой при нём нет.
- Значит, писал Андрей?
- Мы знаем только, что сообщения отправлены с номера, которым пользовался ваш муж. Кто держал телефон в руках, нужно установить.
- Сергей угрожал моей матери.
- Прямой угрозы при сотрудниках не прозвучало. Он требовал связаться с Андреем и говорил о последствиях. Но ваше обращение зарегистрировано. Переписку и сведения о визите приложат к материалу проверки.
- Его отпустят?
- Если оснований для задержания не будет — да.
- Лина почувствовала возмущение, но заставила себя дослушать.
- Это не значит, что ваше обращение бесполезно, — добавил капитан. — Теперь зафиксирован не один случай, а последовательность действий. Если давление продолжится, это будет иметь значение.
- Андрей сейчас у вас?
- После получения объяснений его отпустили. Материалы по служебным деньгам пока проверяются.
- Он сказал, где второй телефон?
- Утверждает, что потерял его три дня назад.
- Лина посмотрела на сообщение, отправленное меньше часа назад.
- Очень удобно.
- Мы проверим. Не пишите на этот номер и не сообщайте мужу, что обнаружили совпадение.
- Почему?
- Если аппарат находится у него или у другого участника, от телефона могут избавиться.
- Лина пообещала молчать.
- Раньше, обнаружив ложь, она сразу шла к Андрею. Показывала доказательства, требовала объяснений и выслушивала новую версию.
- Так она сама сообщала ему, что именно ей известно.
- Помогала сделать следующую ложь точнее.
- Теперь Лина не собиралась давать ему такую возможность.
- Через полчаса позвонила Мария.
- Они ушли.
- Сергей тоже?
- Да. При сотрудниках сказал, что никому не угрожал. Якобы приехал только узнать, где Андрей.
- Он разговаривал с тобой?
- Утверждал, что Андрей сам предложил приехать за деньгами.
- Когда?
- Сегодня днём. Сказал, будто я соглашусь помочь закрыть долг.
- Лина сжала телефон.
- Но ты с Андреем не разговаривала.
- С той ночи ни разу.

Ещё одна ложь, в которой Андрей распоряжался чужим согласием.

— Мам, сегодня не оставайся одна.

— Я приеду к вам.

— Хорошо.

— Лина, почему Сергей говорил, что ты собираешься продать машину?

— Что?

— По его словам, вы с Андреем всё решили. Продадите автомобиль и вернёте долг.

Лина подошла к окну.

Машина стояла во дворе на прежнем месте.

Автомобиль купили в браке, но оформили на неё. Андрей несколько раз предлагал его продать, уверяя, что семье хватит одной машины. Лина отказывалась: она возила Павла в детский сад и поликлинику.

— Я ничего не обещала.

— Тогда заberi ключи и документы.

Лина бросилась в прихожую.

Ключи лежали в сумке. Свидетельство о регистрации она обычно хранила в бардачке.

Она снова посмотрела в окно.

Возле машины стоял мужчина в капюшоне.

Он дернул водительскую дверь, заглянул внутрь, затем достал телефон.

Лина быстро его сфотографировала.

Павел подбежал к окну.

— Это папа?

— Отойди, пожалуйста.

Лина увеличила снимок.

Короткая борода.

Знакомый профиль.

Вадим.

Она снова позвонила в полицию.

Пока Лина называла адрес, Вадим обошёл машину и присел возле переднего колеса. Через несколько секунд поднялся и быстро направился к выходу со двора.

— Он уходит, — сказала Лина.

— Не выходите за ним. Наряд уже направлен.

Вадим скрылся за углом.

Лина продолжала смотреть на машину. Ей казалось, что он мог повредить колесо или что-то оставить под кузовом.

Через пятнадцать минут приехали сотрудники.

При осмотре под передним крылом обнаружили небольшое устройство на магните.

Его поместили в пакет.

— Это маячок? — спросила Лина.

— Похоже на устройство для отслеживания.

— Зачем ему знать, куда я езжу?

— Будем выяснять. Вы уверены, что возле автомобиля находился Вадим?

— Да. У меня есть фотография.

Камеры у подъезда тоже зафиксировали мужчину. Управляющая компания согласилась сохранить запись для передачи полиции.

Лина смотрела, как сотрудник заполняет документы.

Сколько ещё невидимых дверей Андрей открыл чужим людям?

Рассказал адрес её матери.

Передал сведения о машине.

Использовал имя сына.

Пообещал деньги, которых у него не было.

— Пока не пользуйтесь автомобилем, — сказал полицейский. — Сначала проверьте его в сервисе.

— Вы думаете, он мог что-то повредить?

— Утверждать не могу. Но после такого визита лучше убедиться, что с машиной всё в порядке.

Когда сотрудники уехали, Павел снова подошёл к окну.

— Дядя хотел украсть машину?

— Не знаю.

— А полиция его поймают?

— Постарается найти.

— Они хорошие?

Лина задумалась.

— Их работа — защищать людей и разбираться, что случилось.

— А папу они тоже защищают?

— Если папе угрожают — да.

— А если папа сделал плохое?

— Тогда они должны разобраться.

Павел нахмурился.

— Папа плохой?

— Мы пока не знаем всего, что произошло.

— А что знаем?

Лина села рядом с ним.

— Папа сейчас живёт отдельно. Он не может остановиться и делает опасные вещи. Но ты в этом не виноват.

— А ты?

— И я не виновата.

— А бабушка?

— И бабушка.

— А кто тогда?

— Папа отвечает за то, что делает.

— Ему нужна таблетка?

— Ему нужен врач. Но сначала папа сам должен захотеть лечиться.

Павел подумал.

— Я бы выпил таблетку.

— Знаю.

— Даже невкусную.

Лина обняла его.

— Папе нужно сделать больше, чем выпить таблетку.

На следующий день они впервые пришли к Елене Сергеевне вместе.

Павел остановился возле кабинета.

— Ты тоже зайдёшь?

— Да.

— А потом уйдёшь?

— Только если ты сам захочешь остаться с Еленой Сергеевной. Я буду ждать за дверью.

— Не уходи.

— Хорошо.

Он крепче сжал её руку.

Психолог не стала спрашивать об отце. Показала Павлу деревянный дом, фигурки людей и несколько машинок.

— Здесь можно играть как хочешь, — сказала она.

Павел посадил маленького мальчика внутрь дома. Фигурку мамы поставил рядом. Отца сначала подержал в руке, потом спрятал за деревянной стеной.

— А папа где? — спросила Елена Сергеевна.

— За дверью.

Павел подвёл фигурку к маленькому окну.

— Он смотрит.

— А мальчик где?

— Дома.

— Ему страшно?

Павел кивнул.

Потом положил детскую фигурку под игрушечную кровать.

У Лины сжалось горло.

Елена Сергеевна не стала её доставать.

— А мама?

Павел поставил фигурку женщины возле входа.

— Держит дверь.

— Ей тяжело?

— Да.

— Кто может помочь?

Павел перебрал фигурки. Взял одну, похожую на Марию, но положил обратно. Потом выбрал женщину в форме.

— Тётя.

— Хорошо.

Елена Сергеевна поставила возле кровати игрушечную лампу.

— Здесь темно?

— Да.

— Можно включить свет.

Павел придвинул лампу ближе.

Потом положил рядом синюю машинку.

— И машинку дать.

Через несколько минут психолог предложила придумать правила для игрушечного дома.

— У нас уже есть, — сказал Павел.

— Какие?

— Мама не боится.

Лина посмотрела на него.

Так трёхлетний ребёнок понял её правило «не соглашаться из страха».

— А твоё правило? — спросила психолог.

— Мама остаётся.

— Даже если ты сердишься?

Павел кивнул.

— Что ещё нельзя делать?

Он взял зелёный карандаш.

— Бить нельзя.

Елена Сергеевна записала.

— Ещё?

— Кричать.

— А если тебе очень страшно и ты закричал?

Павел задумался.

— Тогда можно.

— Значит, лучше напишем: «Нельзя пугать»?

— Да.

Психолог добавила вторую строчку.

— А что делать, если тебе грустно?

Мальчик посмотрел на мать.

— Плакать можно?

— Можно, — ответила Лина.

— Даже мальчикам?

— Всем.

— Папа говорил, мальчики не плачут.

— Папа ошибался.

Елена Сергеевна написала крупными буквами:

«ПЛАКАТЬ МОЖНО».

Павел провёл под словами жирную синюю линию.

— И маме тоже.

Лина почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

На этот раз не отвернулась.

Павел заметил их и замер. Обычно, увидев, что мать плачет, он начинал суетиться: приносил воду, обещал хорошо себя вести, просил её не расстраиваться.

— Тебе грустно? — спросил он.

— Да.

— Из-за меня?

— Нет. Из-за взрослых.

— Обнять?

Лина поняла, насколько важен её ответ.

— Только если ты сам хочешь. Ты не обязан меня утешать.

Павел немного подумал и подошёл.

Не обнял.

Просто положил ладонь ей на колено.

Лина накрыла её своей рукой.

Елена Сергеевна прикрепила лист с правилами к стене игрушечного дома.

— А куда поставим папу?

Павел взял фигурку отца.

Поднёс к двери.

Но внутрь не поставил.

— Пусть постучит.

После консультации Лина получила сообщение от Валентины Петровны:

«Андрей лёг в клинику. Если тебе не всё равно, позвони ему».

Следом пришла фотография.

Андрей сидел на больничной кровати в серой футболке. На тумбочке лежала книга, рядом стоял стакан воды. Он смотрел в камеру устало и покорно.

Фотография выглядела именно так, как должна была выглядеть фотография человека, решившего лечиться.

Лина не ответила.

На табличке за спиной Андрея виднелось название медицинского центра. Она нашла номер и позвонила в регистратуру.

— Подскажите, у вас есть стационарная программа лечения игровой зависимости?

— Нет, — ответила администратор. — Мы проводим обследования нервной системы и занимаемся расстройствами сна. Стационара у нас нет.

Лина снова открыла снимок.

Кровать.

Тумбочка.

Книга.

Стакан воды.

Не палата.

Комната отдыха при диагностическом центре.

Возможно, Андрей действительно приехал на обследование. Возможно, даже собирался поговорить с врачом.

Но фотография рассказывала другую историю.

Историю о человеке, который уже лёг лечиться.

Телефон завибрировал.

Андрей написал:

«Я начал лечение. Теперь выполни свою часть и забери заявление».

Лина посмотрела на лист, который Павел унёс из кабинета психолога.

«Бить нельзя».

«Нельзя пугать».

«Плакать можно».

Она сфотографировала правила, но мужу не отправила.

Вместо этого переслала его сообщение юристу.

Потом дописала в собственный список ещё одну строку:

«Лечение без правды — продолжение болезни».

Вечером позвонил капитан Крылов.

— Вадима задержали при попытке снять оставшиеся деньги со счёта фирмы-получателя, — сообщил он. — При нём обнаружен второй телефон вашего мужа.

— Значит, угрозы писал Вадим?

— Он это отрицает. Утверждает, что Андрей сам передал ему аппарат.

— Зачем?

— По словам Вадима, ваш муж попросил помочь убедить вас найти деньги.

— Убедить?

— Так он это назвал.

— А Андрей что говорит?

— Что отдал телефон только для оформления ставок и ничего не знал о сообщениях.

Две версии.

Один телефон.

И два человека, каждый из которых пытался спасти себя.

— На устройстве есть их переписка? — спросила Лина.

— Предварительно — да. Телефон ещё будут исследовать. Но одно сообщение касается непосредственно вас.

— Какое?

Капитан сделал паузу.

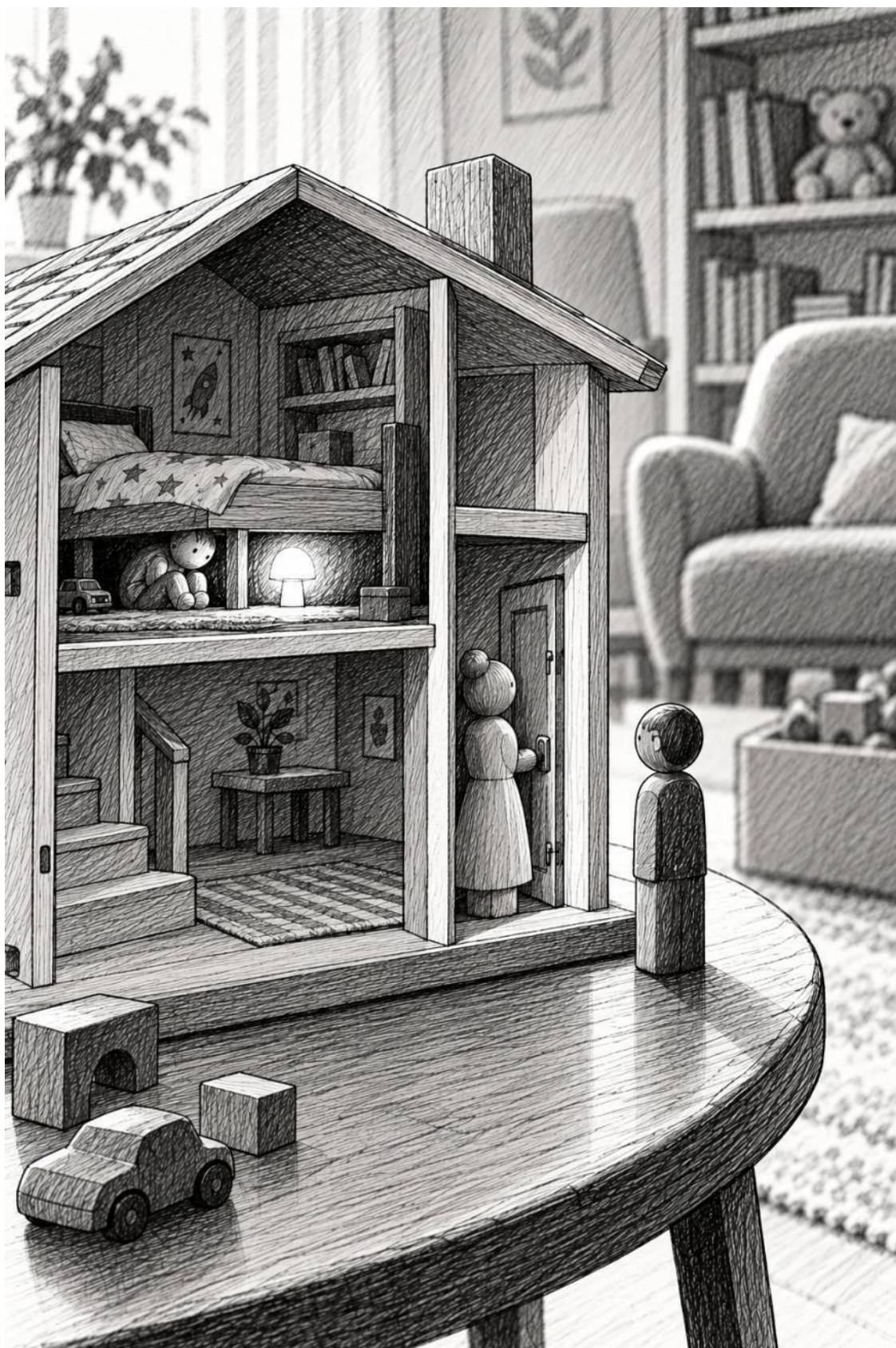
— Андрей написал Вадиму: «Напугай её как следует. Когда Лина боится, она делает то, что нужно».

Лина закрыла глаза.

Теперь сомнений не осталось.

Угрозы были не случайным последствием чужих долгов.

Страх стал способом управлять ею.
И Андрей прекрасно знал, как им пользоваться.

Глава 23. То, что он называл любовью

Утром Лина отвела Павла в детский сад.

Перед выходом он трижды проверил карманы: синяя машинка, носовой платок, маленький зелёный карандаш. Лист с новыми правилами пришлось сложить вчетверо.

— Покажу Вере Ивановне, — объяснил Павел.

— Хорошо.

— Она разрешит плакать?

— Думаю, да.

— А дети смеяться не будут?

Лина застегнула его куртку.

— Если кто-то засмеётся, скажи, что тебе неприятно. Или позови воспитателя.

— А драться нельзя?

— Нельзя.

— Даже если смеются?

— Даже тогда.

Павел вздохнул.

— Трудные правила.

— Очень.

У входа в группу он остановился и крепко обнял мать.

— Ты придёшь?

— После полдника.

— Точно?

— Да.

— А если не сможешь?

Лина вспомнила совет психолога не обещать того, чего нельзя гарантировать.

— Если я задержусь, за тобой придёт бабушка Мария. Одного тебя никто не оставит.

Павел достал сложенный лист и вошёл в группу.

Лина дождалась, пока за ним закроется дверь.

Сегодня ей предстояло снова говорить о случившемся.

Не Андрею.

Не его матери.

Не самой себе перед зеркалом.

Официально.

В кабинете капитана Крылова находились ещё двое сотрудников. Один занимался материалами по служебным деньгам, другой — сообщениями с угрозами и попытками оформить кредит на имя Лины.

На столе лежал второй телефон Андрея, упакованный в прозрачный пакет.

Лина сразу узнала потёртый чехол.

— Подтверждаете, что видели этот аппарат у мужа? — спросил капитан.

— Да. Он пользовался им тайно. Прятал в машине, иногда выходил с ним ночью во двор.

— Когда вы впервые его обнаружили?

Лина назвала дату.

— Андрей объяснял, зачем ему второй телефон?

— Сначала утверждал, что аппарат старый и не работает. Потом признался, что использовал его для ставок. А вчера сказал, что потерял три дня назад.

— В телефоне сохранилась переписка с Вадимом, — произнёс сотрудник у окна. — Часть сообщений удалена. Данные ещё восстанавливают, но некоторые фрагменты уже доступны.

— Вы нашли угрозы?
— Нашли их обсуждение.
Он положил перед Линой распечатку.
Первое сообщение отправил Андрей:
«Она не отдаст деньги просто так».
Вадим ответил:
«Тогда пусть Сергей приедет».
«Он уже был. Она вызовет полицию».
«Значит, надо сделать так, чтобы боялась обращаться».
Следом шло сообщение Андрея:
«Напугай её как следует. Когда Лина боится, она делает то, что нужно».
Вадим спросил:
«Что написать?»
«Что пойдём к её матери. Она за мать сильнее испугается».
Лина читала медленно.
Буквы расплывались перед глазами, но она не позволила себе отвернуться.
— Эти сообщения отправлены до визита Сергея к моей маме?
— Примерно за сорок минут.
— Сергей знал?
— Утверждает, что нет. По его словам, Вадим дал ему адрес и сказал, что там можно найти Андрея. Сергей признаёт, что требовал вернуть долг, но участие в запугивании отрицает.
— Он говорил моей матери о последствиях.
— Это зафиксировано. Его словам дадут правовую оценку.
Лина перевернула страницу.
Вадим:
«Она молчит».
Андрей:
«Напиши про машину. Скажи, что продадим».
«Она поверит?»
«Она всегда верит, если речь про ребёнка или мать».
Лина положила распечатку на стол.
— Он использовал всё, что знал обо мне.
Капитан промолчал.
— Почему Андрей не писал сам?
— Судя по переписке, не хотел, чтобы сообщения связали с ним. Вадим использовал вторую сим-карту вашего мужа, но содержание они обсуждали вместе.
— Значит, Андрей не просто знал.
— По имеющимся данным, он был одним из инициаторов.
Инициатор.
Слово оказалось страшнее любого диагноза.
Не беспомощный больной, которого зависимость случайно заставила напугать жену.
Не жертва Вадима и Сергея.
Андрей сам выбрал её страх как инструмент.
— Есть ещё голосовое сообщение, — сказал сотрудник. — Вы можете не слушать его сейчас.
— Включите.
— Это может быть тяжело.
— Я должна знать.
Сотрудник включил запись.

Сначала слышался шум машины. Затем голос Андрея:

— Только не переборщи. Павла напрямую не трогай. Скажи, что, если долг не вернут, проблемы будут у всей семьи.

Вадим засмеялся:

— Ты её лучше знаешь.

— Она сначала строит из себя сильную. Потом начинает думать, что из-за неё пострадают другие, и соглашается.

— А если не согласится?

— Согласится. Она всегда соглашается.

Запись закончилась.

Лина сидела неподвижно.

В памяти возникли десятки эпизодов.

Андрей просил оформить кредит — она отказывалась. Тогда он говорил, что из-за неё семья никогда не выберется из бедности.

Требовал купить вино — она напоминала, что Павел спит. Тогда он шумел всё сильнее, пока сопротивляться не становилось труднее, чем подчиниться.

Просил деньги — она говорила «нет».

Тогда появлялись болезнь сына, угроза потерять дом, Сергей и незнакомые люди возле двери матери.

Андрей действительно хорошо её знал.

Знал, чего она боится.

Знал, куда надавить.

И называл это любовью.

— Хотите сделать перерыв? — спросил капитан.

Лина взяла ручку.

— Нет. Продолжим.

Она отвечала почти два часа.

Рассказала о ночи, когда Андрей требовал вина. О том, как ходил за ней по квартире и удерживал за запястье. О долгах, ставках, попытке закрыть счёт Павла. О кредитных заявках с её данными и лжи про больного ребёнка.

Каждый эпизод по отдельности раньше казался недостаточно серьёзным.

Не ударил.

Не вынес мебель.

Не проиграл квартиру.

Не исчез навсегда.

Но выстроенные один за другим события превращались в систему.

— Почему вы не обращались раньше? — спросил сотрудник.

Лина посмотрела на свои руки.

— После каждого случая Андрей объяснял, что ничего страшного не произошло. А я верила.

— Что изменилось?

Она вспомнила его слова:

«Я говорю людям то, что они хотят слышать».

— Я перестала проверять его объяснения. Начала проверять факты.

— Вы опасаетесь за себя или ребёнка?

— Да.

— На каком основании?

— Андрей использует страх, чтобы заставить меня делать то, что ему нужно. И я не знаю, что он предпримет, когда этот способ перестанет работать.

Капитан записал ответ.

— Готовы подтвердить свои показания?

Лина перечитала протокол. Исправила время одного звонка и попросила добавить, что Павел присутствовал при эпизоде с вином, а после ухода отца боится, что его тоже выставят из дома.

Затем подписала каждую страницу.

Когда она вышла в коридор, Андрей сидел на скамье возле окна.

Рядом находилась Валентина Петровна.

Увидев Лину, свекровь поднялась.

Андрей остался сидеть.

— Ты всё-таки дала показания против мужа, — сказала Валентина Петровна.

— Я рассказала, что произошло.

— Ты понимаешь, что теперь у него могут быть серьёзные последствия?

— Их определяю не я.

— Конечно. Ты только принесла переписки, записала разговоры, позвонила его начальнику...

— Начальнику я позвонила, чтобы Андрей забрал вещи. О пропаже служебных денег мне сообщил сам Максим Олегович.

— Андрей ничего не крал!

Лина посмотрела на мужа.

— Тогда почему ты отправил заявление об увольнении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.